

В. В. Емельянов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
banshur69@gmail.com

**АЙЗИК АБРАМОВИЧ ВАЙМАН.
ДЕШИФРОВЩИК ЧИСЛА И РИСУНКА
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)¹**

Статья написана к 100-летию со дня рождения Айзика Абрамовича Ваймана. В ней впервые собраны все биографические сведения и обобщены основные результаты научной деятельности исследователя в области истории шумеро-вавилонской математики и дешифровки протошумерской письменности. Рассмотрены предложенный Вайманом метод анализа протошумерских текстов и дискуссии по поводу гипотезы Ваймана о шумерском языке и протошумерской пиктографии.

Ключевые слова: А. А. Вайман, протошумерская письменность, шумеро-вавилонская математика, протоэламская письменность, тартарийские таблички.

V. V. Emelianov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. banshur69@gmail.com

**Aizik Abramovich Vaiman. Number and Pattern Decoder
(on the occasion of the 100th birthday)**

The article has been written for the 100th anniversary of the birth of Aizik Vaiman. For the first time, all biographical information is collected in it and the main results of the scholar's work in the fields of the history of Sumerian-Babylonian mathematics and the decipherment of proto-Sumerian writing are summarized. The method proposed by Vaiman for the analysis of Proto-Sumerian texts and discussions about Vaiman's hypothesis on the Sumerian language and Proto-Sumerian pictography are considered.

Keywords: A. A. Vaiman, Proto-Sumerian writing, Sumerian-Babylonian mathematics, Proto-Elamite writing, the tablets of Tartaria.

Дешифровщик древней письменности — не профессия, а призвание, особый дар, сплав интуиции и комбинаторного мышления. Дешифровщики это, как правило, люди одной

¹ Работа выполнена по гранту РНФ N 19-18-00085 «Календарные праздники древнего Востока: календарный ритуал и роль темпоральных представлений в формировании традиционного сознания народов древнего мира».

миссии. Открытие Г.-Ф. Гротефенда стало для него случайностью и не имело никаких продолжений в биографии, поскольку он решил проблему дешифровки древнеперсидской клинописи как одну из многочисленных предлагавшихся ему головоломок². Ю. В. Кнорозов не преуспел в дешифровке письма Харappy, а его теория фасцинации не имеет признания в науке. Шумеролог Б. Грозный, определивший индоевропейское происхождение хеттского языка, не смог найти ключа ни к микенскому линейному письму Б, ни к письму Харappy. Напротив, Ж.-Ф. Шампольон и М. Вентрис после своих дешифровок успешно углубились в грамматику и тексты открытых ими языков, не предпринимая попыток дешифровать другие письменности.

История жизни и научной деятельности А. А. Ваймана существенно отличается от биографий всех упомянутых выше дешифровщиков. Он начинал работу как историк математики и поначалу не имел намерения дешифровать какую-либо письменность. После дешифровки множества знаков протошумерского письма он не пришел к системе чтения этих знаков. В дальнейшем он не получил определенных результатов в дешифровке протоэламского письма, сделал множество спорных докладов по урартологии и различным письменностям народов мира. К тому же дешифровка Ваймана отличается от предмета и метода остальных исследователей тем, что это не звуковое чтение слоговых знаков, а определение значений заведомо нечитаемых пиктограмм.

Айзик Абрамович Вайман родился 12 июля 1922 г.³ в Шепетовке. Его отец Абрам Борисович Вайман работал в лесном хозяйстве. Мать, которую звали Геня (Гиттл), рано умерла, оставив сиротами троих детей — Евсея, Айзика и Иду. С детства у Айзика Абрамовича были проблемы со здоровьем — сильно укороченная нога и слабое зрение. Несмотря на серьезные недуги, Вайман активно занимался физкультурой и читал сложные тексты по истории, математике и физике. Он окончил

² Этим он напоминает И.-Г. Менделя, который после своего открытия генов гороха и неудачи с ястребинкой перешел к лингвистическим шуткам. Для Менделя все эти упражнения были разновидностями игровых задач.

³ В один день с ним родился Майкл Вентрис (ум. 1956), дешифровавший линейное письмо Б.

Шепетовскую среднюю школу № 1 как круглый отличник, в старших классах занимал первые места на олимпиадах по физике, алгебре и геометрии и готовился стать математиком. Когда началась война, Ваймана не взяли в армию по медицинским показаниям, и он эвакуировался в Ереван, где поступил на физико-математический факультет университета. В Ереване он познакомился с Борисом Борисовичем Пиотровским, и эта встреча навсегда изменила его жизнь. Вайман решил стать археологом. В конце войны он приехал в Ленинград и поступил на исторический факультет ЛГУ, который окончил в 1949 г. После окончания университета Вайман поступил на работу в Отдел Востока Эрмитажа, где со временем дослужился до старшего научного сотрудника. Попав в Ленинград, Айзик Абрамович был обласкан расположением всех крупнейших величин советской науки о древнем Востоке. О нем с равным уважением говорили академик В. В. Струве и будущий академик Б. Б. Пиотровский, его охотно учил и консультировал И. М. Дьяконов. В Ленинграде Вайман женился на Нине Васильевне Трениной, сотруднице Кировского завода, которую он пережил на много лет (его супруга умерла от диабета). Детей у них не было⁴. 3 марта 1965 г. состоялась защита диссертации А. А. Ваймана по монографии «Шумеро-вавилонская математика III–I тыс. до н. э.» (1961) на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Miliband 1977: 103). Ответственным редактором книги выступил В. В. Струве. В дальнейшем Вайман сочетал в своей работе два интереса — к математическим клинописным табличкам и к протошумерской письменности. В обе эти области он внес существенный вклад. В последние 20 лет жизни он занимался дешифровкой протоэламского письма, урартскими документами и мелкими наблюдениями над различными

⁴ Сведения биографического характера сообщил мне П. М. Лернер, друг Ваймана, впоследствии опубликовавший электронные материалы к его биографии в (Lerner 2011). Лернер вспоминает об успехах Ваймана в математике и физике: «На занятиях по этим предметам он систематически предлагал альтернативные, и, как правило, более простые и рациональные варианты решения. Он ни разу не отказывался помочь отстающим ученикам, однако никогда не давал им списывать. В отличие от меня, он всегда был сосредоточен, не по возрасту серьезен, собран и целеустремлен». Автор этих строк глубоко благодарен Петру Михайловичу Лернеру за предоставленные материалы и мемуары.

пиктографическими текстами, включая тэртрийское письмо. В конце 1990-х гг. начался спад его научной деятельности, вызванный многочисленными болезнями и резким ухудшением зрения. А. А. Вайман умер 1 апреля 2013 г. в Петербурге в возрасте 90 лет. Его душеприказчицей стала внучатая племянница Ольга Геннадиевна Чанышева, внучка его старшего брата Евсея.

Самые ранние публикации Ваймана посвящены эрмитажным табличкам математического характера. В. В. Струве, давно занимавшийся историей математики, высоко оценил его математические способности и поручил ему комментированное издание этих табличек (Vaiman 1955; 1960; 1961a). Чтению табличек учил молодого исследователя И. М. Дьяконов, также работавший тогда в Эрмитаже. Исследование разрослось в большую по тем временам книгу, которая, хотя она и вышла после трудов О. Нойгебауэра и Б. Л. ван дер Вардена, но тем не менее внесла вклад в историю науки. В книге «Шумеровавилонская математика III—I тыс. до н. э.» рассматриваются такие проблемы, как 60-тиричная и 10-ричная системы исчисления, метрология, постоянные величины и списки обратных постоянных, техника вычислений и вычислительные таблицы, термины и понятия арифметических действий, геометрические термины и понятия, различные виды квадратных уравнений и алгебраических преобразований, составление задач и элементы теории чисел. В конце своего исследования Вайман делает некоторые общие выводы. И прежде всего он определяет отличие вавилонской математики от шумерской: «Математика шумеров главным образом использовалась в прикладных целях — в метрологии, в землемерном деле, в бухгалтерском учете, а теоретическая математика вавилонян рассматривалась уже как самоцель. Математика шумеров развивалась под воздействием внешних факторов — растущих и усложняющихся хозяйственных потребностей общества, а теоретическая математика вавилонян развивалась благодаря порожденным ею же потребностям: сама математика служила источником новых проблем и предоставляла материал для их решения» (Vaiman 1961b: 208). Вайман заметил, что творцами шумерской математики были бухгалтеры и землемеры, а вавилонская математика развивалась школьными учителями, создававшими задачи новых типов и развивавшими математику в связи с астрономическими на-

блюдениями (Vaiman 1961b: 207). Говоря об основном методе месопотамских математиков, исследователь не сомневается в том, что «большинство результатов шумеро-вавилонской математики было получено при помощи логического вывода. Однако сам по себе вывод служил только средством и, очевидно, никогда не рассматривался как самоцель. То, что казалось интуитивно очевидным, вероятно, никогда не выводилось, даже если неизвестное положение можно было свести к уже известному. Поэтому применительно к шумеро-вавилонской математике, быть может, следовало бы говорить о наличии логического вывода, а не метода логического доказательства» (Vaiman 1961b: 210). Вайман устанавливает разницу между шумеро-вавилонской и греческой методологией математики, подчеркивая при этом общность их проблем и решаемых задач: «В клинописных текстах, например, мы находим только задачи на вавилонские числа, но не описание метода их нахождения, задачи на теорему Пифагора, но не те рассуждения, при помощи которых она была выведена. Устное преподавание вряд ли могло восполнить указанный пробел, так как основным предметом обучения служили не теоремы математики, а математические задачи» (Vaiman 1961b: 210). В приложении к своей монографии Вайман опубликовал переводы всех известных на конец 1950-х гг. математических текстов на шумерском и аккадском языках. Особую ценность представляют автографы, транслитерации и переводы пяти математических таблиц из собрания Эрмитажа⁵.

От математических табличек шумерского времени очень естественным был путь в математику протошумерской пиктографии. На этом пути у молодого исследователя не было проводников, кроме старых работ А. Фалькенштейна (Falkenstein 1936) и ранней статьи И. М. Дьяконова (Diakonoff 1940). Переход к изучению пиктограмм начался после защиты диссертации: «Когда А. А. Вайман, старший научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, приступил в конце 1961 года к работе над пиктографическими табличками, его интересовала математическая сторона вопроса. Большинство значков,

⁵Вайман не прекращал заниматься историей клинописной математики и после выхода монографии, о чем свидетельствуют его более поздние публикации по геометрической терминологии и метрологии (Vaiman 1976a).

обозначавших цифры, было известно, и оставалось только проследить развитие математических знаний в Двуречье с древнейших времен. Но уже первое знакомство с материалом показало ученому, что все не так просто. Англичанин С. Ленгдон, опубликовавший табличку из Джемдет-Насра, считал, что на ней записана площадь земли, принадлежащей разным лицам, тем более что знак площади был уже известен историкам. Но он был только на третьей строчке документа. А две первых? Как историк древневосточной математики <...>, А. А. Вайман предположил, что в первых двух строках лицевой стороны таблички обозначены линейные размеры тех полей, площадь которых указана в третьей строке. Действительно, перемножив соответствующие числа, он получил произведение, совпадающее с площадью. И к тому же оказались расшифрованными два новых знака, обозначающих длину и ширину» (Nikitin 1964: 100).

Для лучшего понимания расчетов того времени следовало понять систему протошумерского письма как таковую. Это означало — стать дешифровщиком. Но какого рода дешифровку предстояло предпринять Вайману? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к работе И. Гельба «Методы дешифровки», в которой он классифицирует дешифровку по 4 типам (Gelb 1975: 96):

Тип 0: известное письмо и известный язык.

Тип I: неизвестное письмо и известный язык.

Тип II: известное письмо и неизвестный язык.

Тип III: неизвестное письмо и неизвестный язык.

Легко можно сообразить, что к типу I относятся, например, египетская иероглифика (через гипотезу коптского как поздней стадии египетского), иероглифы майя (через современные языки майя) и древнеперсидская клинопись (через современные иранские языки), к типу II — хеттская клинопись, к типу III — шумеро-аккадская клинопись, линейное письмо Б и лувийская иероглифика. Однако протошумерское пиктографическое письмо серьезно выпадает даже из классификации Гельба, потому что: а) его знаки в принципе нельзя прочитать звуковым образом; б) его язык неизвестен. Есть только одна подсказка — эти рисунки похожи на знаки более поздней шумеро-аккадской клинописи и, скорее всего, являются их прообразами. Вместо чтения связного текста в этом случае следует правильно отождествлять знаки и пытаться сложить из них сообщение. Задача,

вставшая перед Вайманом, по сложности была сопоставима с тем, что сделали Вентрис и Кнорозов. Она, по сути, открыла возможную группу IV: неизвестные пиктограммы и неизвестный язык.

Вайман очень четко сформулировал свой метод дешифровки.

«1. а) Отождествление вариантов пиктограмм для каждого из двух этапов развития письменности (раннего — конца IV тысячелетия до н. э. и позднего, — начала III тысячелетия до н. э.) и составление соответствующих списков знаков.

б) отождествление ранних форм пиктограмм с поздними и составление общего списка знаков для обоих этапов.

2. Отождествление пиктограмм с развившимися из них клинописными знаками.

3. а) Раскрытие смысловых значений знаков и сочетаний знаков и перевод отдельных записей и текстов. Это конечная цель расшифровки письменности;

б) общее истолкование смысловых значений знаков, сочетаний знаков, отдельных записей и текстов.

4. Доказательство шумерской языковой принадлежности пиктографических текстов» (Vaiman 1966: 5–6)

Известно, что дешифровка словесно-слоговой письменности нуждается в билингве. Что же смогло послужить билингвой для дешифровки пиктографии? На этот вопрос А. А. Вайман ответил в интервью А. Никитину: «И когда уже не было никаких надежд проникнуть в тайну пиктограмм, А. А. Вайман обратил внимание на так называемые “школьные тексты”. Некоторые найденные таблички содержат списки слов и понятий, учебные упражнения, которые должны были копировать ученики, изучая клинопись. Поэтому никто не удивлялся, что в этих текстах стоят знаки ‘плуга’, ‘зерна’, ‘молока’, ‘шерсти’ и т. д. Каково же было удивление ученого, когда в первой графе древнейших “школьных” табличек он нашел знаки, подобные тем, что были на хозяйственных документах» (Nikitin 1964: 101). Таким образом, Вайман пришел к чтению пиктограмм через знаки учебных упражнений, сопровождавшиеся в силлабариях переводами на аккадский язык. Он также понял, что репертуар знаков клинописи с течением времени сокращался, многие похожие знаки сливались в один, некоторые знаки исчезали или заменялись более простыми. Если первоначальное количество рисуночных

знаков составило, по подсчетам исследователя, 970, то при переходе от рисуночного письма к словесно-слоговому их число не превысило 580. Как показали предварительные расчеты, лишь около 30% знаков ранней протоклинописи и около 50% поздней могут быть отождествлены с соответствующими формами развитой клинописи (Vaiman 1976b: 580, 585). При этом веками воспроизводился один и тот же письменный канон, основу которого составляли всевозможные списки, реестры и подсчеты. Определил А. А. Вайман и те психологические трудности, с которыми связана дешифровка пиктограмм: «Для расшифровки рисуночного письма, которое является древнейшим вариантом клинописи, мне кажется, важным было не только учитывать все, что уже известно, но вместе с тем и забыть многое из того, что мы знаем о клинописи. Иначе невозможно было вырваться из плена установившихся положений, которые в ряде случаев просто ложны, если применять их к раннему этапу развития письма, то есть к пиктографии» (Nikitin 1964: 101).

В результате работы с протошумерскими табличками Вайману удалось определить многие первоначальные образы, из которых развились клинописные знаки. Им были отождествлены изображения ячменя, полбы, пшеницы, овец и овечьей шерсти, финиковой пальмы, коров, ослов, коз, свиней, собак, разных пород рыб, газелей, оленей, туров и львов. Из предметов быта особенно частыми оказались изображения сосудов для молока, пива, благовоний и для сыпучих тел. Были изображены и специальные сосуды для жертвенных возлияний. Рисуночное письмо сохранило для нас изображения металлических орудий и горна, прялок, лопат и мотыг с деревянными рукоятями, плуга, саней для перетаскивания груза по заболоченным местам, четырехколесных повозок, канатов, рулонов ткани, тростниковых ладей с высоко загнутыми носами, тростниковых загонов и хлебов для скота, тростниковых эмблем богов-предков и многого другого. Существуют в это раннее время и обозначение правителя, и знаки для жреческих должностей, и специальные знаки для обозначения раба и рабыни (Vaiman 1974a; 1976b). Однако высшим достижением Ваймана в этой области было отождествление единиц времени: «Понятие ‘время’ выражалось знаком UD. Однако этот символ также может быть ‘днем’, ‘месяцем’ или ‘годом’ в протоклинописи. Точное значение знака зависит от формы и расположения цифр. Когда под симво-

лом UD появляются десятки (маленькие кружки) и единицы (маленькие горизонтальные полуовалы), они обозначают количество дней. Когда десятки (маленькие кружки) и единицы (маленькие вертикальные полуовалы) располагаются внутри символа UD — они обозначают номер месяца; наконец, когда единицы (вертикальные полосы) появляются над знаком UD — они обозначают год» (Vaiman 1974b: 19); «Обозначение времени, по-видимому, длительности некоторого отчетного периода, обнаружено только в документах из Джемдет-Насра. Само понятие времени в соответствующих записях обозначается знаком UD, который, в зависимости от расположения и характера цифр, означает, по-видимому, ‘день’, ‘месяц’ и ‘год’. При обозначении числа дней единицы в виде малых горизонтальных полуовалов и десятки в виде малых кружков располагаются под знаком UD. При обозначении числа месяцев единицы в виде малых вертикальных полуовалов и десятки в виде малых кружков вписываются в знак UD. При обозначении числа лет единицы в виде вертикальных штрихов ставятся над знаком UD» (Vaiman 1976b: 581). В Раннединастический период такие обозначения перестали использовать, шумерская клинопись содержала знаки UD ‘день’, ITI ‘месяц’ и MU ‘год’. Впоследствии Вайман определил, что лунный месяц протошумерского календаря содержал 30 дней, а год состоял из 12 месяцев. Открытие Ваймана позволяет понять, что сам концепт времени был связан у шумеров с дневным светом⁶ и солнцем. Примеры обозначений времени в документах Джемдет-Насра:

10 лет

14 месяцев

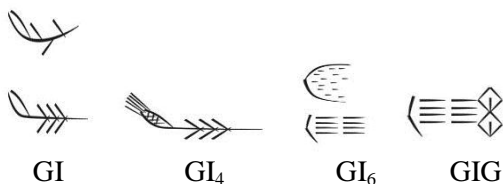

5 месяцев 10 дней

⁶ В силлабариях пара эквивалентов U₄/UD = *urru* ‘day, daylight’ встречается как сама по себе, так и в двух случаях фразовых соответствий: $\dot{g}i_6$ ud-da = *tu-ši u₃ ur-ri* ‘night and day’, ud zal-še₃ = *a-di ur-ra-am* ‘until daytime’ (CAD U/W: 243). Поскольку в семитских языках есть основа *?Vr- ‘sunlight’, а в шумерском /d/ и /r/ могут отображать одну и ту же фонему дрожащего звука /dr/, мы можем предположить, что слово ud — очень давний семитизм в шумерском языке, который не получил в клинописной традиции альтернативного написания /ud-ra/.

Большое значение имели и отождествленные им знаки для системы мер и весов. В нескольких табличках ему удается отождествить названия известных по более поздним текстам шумерских топонимов. Важным наблюдением Ваймана было установление двух видов экономических операций, связанных со знаками ВА ‘давать, делить’ и GI ‘возвращать’ (Vaiman 1974b: 19–21, 26; 1976b: 580).

От дешифровки значения отдельных рисунков Вайман постепенно переходил к чтению протошумерских пиктографических табличек. Прежде всего, он установил ряд похожих знаков, сходство которых основано на омонимии в шумерском языке, например: GI ‘тростник’ и GI₄ ‘возвращать’, GI₆ ‘черный’ и GIG₂ ‘пшеница’. Из этого им был сделан вывод, что первоначальным языком пиктографических текстов из Урука и Джемдет-Насра был шумерский (Vaiman 1966: 9). Таким образом, 900 табличек из этих двух поселений следовало читать по-шумерски.

И Вайман приводит в своих статьях образцы такого чтения текстов, выделяя среди них списки должностей и измерение участков земли (Vaiman 1966: 14–15). Он также устанавливает формальные особенности расположения знаков на табличке и различные варианты следования знаков (Vaiman 1972a).

Частные наблюдения А. А. Ваймана, известные нам в виде небольших статей, к сожалению, не переросли в открытие системного чтения протошумерских знаков и не увенчались монографией⁷. Исследователь сам признавался в интервью, что «расшифровка каждого отдельного знака нуждается в изобретении нового приема» (Vaiman 1977: 109). Его коллеги по изучению протошумерской письменности Р. Энглунд и П. Дамеров

⁷ Хотя такая монография должна была выйти еще в 1960-х годах и называлась «Хозяйственные тексты древнего Шумера» (Nikitin 1964: 101).

также не предложили никакой системы ни в классификации знаков, ни в их интерпретации. Они сперва расположили знаки от самых простых к самым сложным (как ранее уже было сделано в списке знаков клинописи Р. Лабата), а впоследствии просто располагали знаки по порядку букв латинского алфавита, который используется в транслитерации шумерских текстов (Englund, Damerow web). В ассириологии до сих пор не существует т. н. «ключей» к группам знаков, которые хорошо известны египтологам и китаистам. И рассчитывать на продолжение работ по систематизации архаической клинописи в настоящее время не приходится, поскольку все исследователи протошумерского письма уже покинули этот мир, не оставив учеников.

Что касается гипотезы Ваймана о шумерском чтении протошумерской пиктографии, то она до сих пор не подтверждена. С Вайманом был согласен М. Пауэлл, который подошел к вопросу с другой стороны. Он предположил, что, если числовые знаки протошумерской пиктографии связаны с 60-тиричной системой исчисления, а такая система известна только у шумеров и имеет соответствующую терминологию в шумерском языке, то это означает, что и остальные знаки этого письма должны читаться по-шумерски (Powell 1972). Однако Р. Энглунд установил, что в протоклинописи было множество систем числовых обозначений, и, кроме того, предположил, что в архаической письменности в принципе невозможны фонетические элементы (Englund 1998: 77–78). Н. В. Козлова в своем обзоре работ по проблеме происхождения протошумерской письменности ссылается на М. Сивиля и М. Шреттера, которые обратили внимание на трудности графической реализации скопленных согласных в начальной или конечной позиции шумерских слов. По мнению Р. Энглунда, это может свидетельствовать о несоответствии клинописной системы письма фонетической структуре шумерских слов, что увеличивает вероятность заимствования шумерами письменности другого народа (Civil 1982; Schretter 1993; Englund 1998: 78–79; Koslova 2008: 354–356). Необходимо вспомнить и мнение А. Л. Оппенгейма, считавшего, что «шумеры приспособили для своих нужд уже существовавшую систему и технику письма» (Oppenheim 1980: 48). Несмотря на контраргументы, гипотеза Ваймана остается не опровергнутой до конца: в составе протошумерской пиктографии могли быть знаки, связанные со словами разных языков, в

том числе, и шумерского, а творцами клинописи, как всегда в Месопотамии, выступали народы разного происхождения. Поэтому одновременно правы могут оказаться как сторонники, так и противники гипотезы Ваймана.

Работы А. А. Ваймана 1950–1970-х гг. широко освещались в советской прессе. В газете «Правда» за 22 июня 1962 г. вышла заметка, которая начиналась словами: «Шумерские письмена, начертанные на табличках пять тысяч лет назад, впервые заставил заговорить ленинградский востоковед А. Вайман». Интервью с ученым публиковали журналы «Юность» (Nikitin 1964: 100–101), «Советский Союз» (Kornilov, Chernikov: 1965/2, 44–45), «Наука и жизнь» (Vaiman 1977/11: 109). В эфир Ленинградского телевидения в середине 1960-х гг. вышла телевизионная передача об открытиях Ваймана (сообщено П. М. Лернером; передача не сохранилась). А его кандидатская диссертация, по мнению В. В. Струве, должна была удостоиться (по примеру Кнорозова) сразу степени доктора исторических наук. П. М. Лернер приводит в своих материалах к биографии Ваймана письмо Струве к академику Б. А. Рыбакову с просьбой поддержать такое решение:

«Глубокоуважаемый Борис Александрович!

Ученый совет Лен. отделения Института археологии единогласно принял решение о присвоении А. А. Вайману степени кандидата исторических наук за работу «Шумеро-вавилонская математика» и также единогласно постановил просить Ученый совет Института Археологии в Москве о присвоении ему ученой степени доктора исторических наук, таково же было мнение всех трех его оппонентов, а также и мнение руководимого мной отдела древнего Востока Института народов Азии и лично моё.

А. А. Вайман — человек очень достойный, скромно и бескорыстно преданный науке и в течение многих лет работающий в Эрмитаже на окладе 80 руб., — сделал в науке о древнем Востоке крупнейшие открытия, как в области исторических наук, культуры, так и в области дешифровки ранее не поддававшихся объяснению шумерийских пиктографических письмен.

И как человек и как ученый он, безусловно, заслуживает чести получить за свой труд не степень кандидата, а степень доктора.

Поэтому Вы окажете мне особо личное внимание, если приложите все зависящие от Вас усилия для того, чтобы А. А. Вайман мог получить давно заслуженную степень доктора наук.

Уважающий Вас академик
Василий Васильевич Струве
Ленинград 21 марта 1965 г.»
(архив П. М. Лернера)

К сожалению, ходатайство Струве по неизвестным причинам поддержано не было⁸, и Вайман остался кандидатом исторических наук.

После протошумерской письменности А. А. Вайман с воодушевлением взялся за дешифровку протоэламского линейного письма. О первоначальных результатах этой работы свидетельствует только одна большая публикация, посвященная сравнению протоэламской письменности с протошумерской (Vaiman 1972b). Вайман следует гипотезе А. Фалькенштейна о том, что «протоэламское письмо несомненно было создано самостоятельно, но под непосредственным влиянием поздней протошумерской письменности» (Vaiman 1972b: 124). Он обращает внимание на целый ряд сходств и различий между двумя возникшими синхронно письменностями древнего Ближнего Востока. В частности, оказалось возможно доказать, что протоэламское письмо заимствовало из протошумерского обозначение чисел, относящихся к системе мер объема. Также «в протоэламской письменности полностью заимствованы из протошумерской способы перехода текста с лицевой стороны на оборотную» (Vaiman 1972b: 130). Что же касается структуры текстов, то она различается: протошумерские тексты состоят из строк, столбцов и рядов, а протоэламские — только из рядов, которые, поскольку они не разделены вертикальными линиями, с полным правом могут быть названы строками. Из этого Вайман делает вывод: «Таким образом, по структуре протоэламские тексты более совершенные, чем протошумерские. Они проще, и в то же время порядок чтения в них любой части текста обусловлен только расположением знаков в строке и взаимным расположением строк. Что же касается протошумер-

⁸ Возможно, это связано с последовавшей вскоре тяжелой болезнью Струве и его смертью 15 сентября 1965 г.

ских текстов, то, хотя порядок чтения строк, рядов и столбцов зависит от их взаимного расположения, порядок чтения внутри строки определяется исключительно контекстом» (Vaiman 1972b: 129). Следует, вероятно, сказать, что дешифровщик знал только базовые сведения по грамматике эламского языка, изложенные в книге И. М. Дьяконова (Diakonoff 1967), специалистов-эламитологов в СССР не было, а эламских текстов, написанных аккадской клинописью, Вайман не читал. Кроме того, он отчего-то полагал, что языком протоэламского рисуночного письма был арийский. Это обусловило дальнейшую неудачу в дешифровке. Насколько мне известно, исследователь готовил монографию по протоэламской письменности, и она осталась в рукописи после его смерти.

Результаты научной работы Ваймана после 1985 г. известны, в основном, только по его докладам в Эрмитаже, которые он в виде тезисов публиковал в сборниках чтений памяти Б. Б. Пиотровского и в различных сборниках трудов Эрмитажа. В течение нескольких десятилетий исследователь работал хранителем коллекции Урарту в Отделе Востока Эрмитажа и выдвинул несколько интересных гипотез по поводу эволюции религии Урарту. Прежде всего, им был обнаружен в урартском пантеоне «Бог мертвых». Вайман взял за основу слово $ub_2\text{-}\check{s}e$, фигурирующее в списках потерь врага в надписях Аргишти и Сардури. Он понимает это слово как «мертвец» и переводит словосочетание $DINGIR\text{-}i\ ub_3\text{-}\check{s}a_2\text{-}a$ «Бог мертвых». Контекст надписей, в которых встречается это сочетание слов, — жертвоприношения овец воротам бога Халди и посвящение жертв строительному объекту *susi* (Vaiman 1994a: 15–16). Однако И. М. Дьяконов понимает $ub_2\text{-}\check{s}e$ как «юноши» (Vaiman 1994: 16). Кроме того, остается непонятным, почему $ub_2\text{-}\check{s}e$ нужно отождествлять с $ub_3\text{-}\check{s}a_2\text{-}a$. В докладе «Как была создана религия Урарту» А. А. Вайман постулирует существование особой урартской религии, которая с IX в. до н. э. была привязана к месопотамской системе созвездий: «Одна из надписей на стене ниши скалы (Мхер-каписи или Мхер-дури) около Вана позволяет утверждать, что примерно в третьей четверти IX в. до н. э., когда появилась эта надпись, была создана, точнее, придумана новая, по отношению к уже существовавшим верованиям, религия: созданы божества и составлено расписание жертвоприношений, рассчитанное на ежегодное повторение. В основу этого

расписания был положен так называемый египетский календарь с годом, равным 365 дням — 12 месяцев по 30 дней плюс 5 праздничных дней в конце года. Порядок следования друг за другом богов в надписи строго подчинен иерархическому принципу, и в зависимости от места, занимаемого богом в списке, определялось его старшинство над другими богами, частота принесения жертв и вид жертвенных животных <...> Поражает, что имена почти трети богов и половины богинь представляют собой аккадские названия небесных тел, главным образом созвездий. Ряд урартских богов удастся отождествить с урартскими бронзовыми статуэтками или изображениями на различных предметах <...> По-видимому, урартские цари пытались соперничать с ассирийскими не только на поле брани, где они весьма преуспевали, но и на религиозном поприще» (Vaiman 1995: 9–10). Совершенно не удивительно заимствование урартами элементов астральной религии ассирийцев, но связь религии урартов с египетским календарем нуждается в историческом обосновании и в дополнительных доказательствах.

В 1994 г. вышла важнейшая для тэртэрийской проблемы статья Ваймана, в которой он сравнил знаки письма на табличке, подлинность которой в настоящее время ставится под сомнение, с протошумерскими пиктограммами позднего периода. В результате своего анализа исследователь пришел к следующим выводам: «Таблички Тэртэрии свидетельствуют о самостоятельной письменности, созданной по протошумерскому образцу. Точка зрения, согласно которой письменность Тэртэрии была создана раньше протошумерской и оказала влияние на сложение последней, абсолютно не обоснована. Поскольку знаки на табличках Тэртэрии имеют в качестве прототипов ранние шумерские знаки табличек IV слоя Урука, возникновение тэртэрийской письменности должно относиться к последней четверти IV тыс. до н. э. О месте создания письменности Тэртэрии ничего определенного сказать нельзя, но вряд ли это Трансильвания, — скорее всего, речь должна идти об области более близкой к Ираку. Что же касается назначения табличек, то несомненно они являются хозяйственными документами» (Vaiman 1994b: 188). Статья Ваймана, таким образом, спорит и с экспертизой А. Фалькенштейна, который в 1965 г. отождествил знаки тэртэрийского письма с поздними протошумерскими пиктограммами начала III тыс. до н. э., и с румын-

скими археологами, предложившими их датировку временем ок. 5500 г. до н. э.

С конца 1990-х гг. появляются гипотезы Ваймана, которые пока не могут быть ни подтверждены, ни опровергнуты. В докладе 1998 г. он предположил, что на одной из урукских печатей Протописьменного периода изображены планета Венера (знак богини Инанны), созвездие Тельца (бык), знаки восхода и захода, а также знак «праздник». Всю эту совокупность знаков, как полагал Вайман, можно прочесть как *ezen-ed₀-nin₂-an-sig-(nin₂)-an mul gud* «Праздник восхождения Госпожи неба (Инанны-Венеры) [и] захождения [госпожи] неба (Инанны-Венеры) [в] созвездии Быка (Тельца)» (Vaiman 1998: 13–14). Из других источников этого же времени выясняется, что ежедневное восхождение и захождение Инанны-Венеры сопровождалось приношениями ячменного хлеба и пива (Vaiman 1998: 12–16, также устное сообщение А. А. Ваймана). Однако исследователь клинописной астрономии Г. Е. Куртик впоследствии выдвинул альтернативную гипотезу: «на печати изображен бык, из шкуры которого изготавливается ритуальный барабан, звезды же над ним — это пиктографическое изображение ночного неба» (Kurtik 2002: 205). То есть, знак, который А. А. Вайман прочел как EZEN ‘праздник’, следует воспринимать как изображение барабана, и в таком случае бык, изображенный возле барабана, является исходным материалом для его изготовления. В самом деле, изображение предмета на печати не соответствует пиктограмме EZEN. Не меньшей критике подвергались и доклады Ваймана по различным другим темам, будь то арийский язык протоэламской письменности, культ близнецов в протоэламских текстах или индоевропейские слова в шумерских архаических текстах⁹ (Vaiman 2000; 2002).

Что послужило причинами кризиса в работе одного из самых выдающихся ученых XX столетия в области дешифровки древних письменностей и истории науки? Прежде всего, нужно помнить о том, что вся работа Ваймана по распознаванию мелких оттиснутых на глине знаков была героическим подвигом слабовидящего человека, и с течением времени его болезнь закончилась полной слепотой. Далее, нужно иметь в

⁹ Текст последнего не был опубликован. Параллельно такую же гипотезу выдвинул Г. Виттакер.

виду, что Вайман не имел высшего профессионального образования ни в одной из областей своей научной работы. У него не было университетского образования ни в области математики, в области ассириологии. Вайман практически не читал связанных текстов на шумерском и аккадском языках, погрузившись преимущественно в рисуночное письмо, в математические расчеты и в глиняные силлабарии. Недостаточно знал он и европейские языки, затрудняясь читать статьи коллег с листа. Некоторые его статьи были переведены на немецкий язык коллегами из ГДР и Венгрии, но сам он не владел разговорными иностранными языками. К этому нужно добавить такие черты его характера, как замкнутость и обидчивость на критику. Все это существенно тормозило его работу. Наконец, следует иметь в виду и то, что произошло в конце XX века с петербургской научной средой в области истории Древнего Востока. Со второй половины 1990-х гг. научная активность И. М. Дьяконова пошла на спад, и он перестал интересоваться новыми идеями Ваймана. В Петербурге не оставалось урартологов и совсем не было специалистов по эламскому языку или по протошумерской письменности. Так что гипотезы Ваймана просто некому было должным образом проверить и оценить. Он был крайне обидчив, неохотно впускал коллег в свою научную лабораторию¹⁰ и старался выполнять всю работу в одиночку, без консультаций с коллегами в СССР и России. А переписка с коллегами вне России была для него невозможна. К концу жизни нараставшая слепота, замкнутость и недоверчивость стали причинами фактичес-

¹⁰ Автор этих строк консультировался у Ваймана по поводу образов и чтений старошумерских знаков в 1992–1998 гг. и слушал большинство его эрмитажных докладов. А. А. Вайман очень уверенно называл предмет, лежавший в основе того или иного знака, но не мог объяснить, почему он так считает, а просто настаивал на своем толковании. Доклады Ваймана, которые мне довелось слушать, были очень краткими, не знакомили слушателей с методикой или с альтернативными точками зрения на предмет, были построены плохо и сопровождалась постоянными обидами на тех, кто сомневается в их результатах. Впрочем, сама манера речи Ваймана, его неповторимая фонетика (например, смягчение гуттурального на конце: “такь”, “знакъ”) крепко западала в память. К сожалению, я не догадался перед защитой подарить Айзигу Абрамовичу автореферат своей кандидатской диссертации, что стало причиной для его обиды и выговаривания мне по этому поводу. Однако вскоре наши отношения восстановились. Вайман сообщил мне, что пишет книгу о протоэламском письме.

кой изоляции Ваймана от мировой науки. Тем не менее, вклад, внесенный им в ассириологию, историю науки и грамматиологию в 1950–1970-х гг., и по сию пору обеспечивает работам Айзика Абрамовича Ваймана постоянную цитируемость в мировой науке.

Библиография

- Civil, M. 1982: Studies on Early Dynastic Lexicography I. *OrAnt* 21. 1–26.
- Diakonoff, I. M. 1940: [On the emergence of writing in Mesopotamia: (Two archaic tablets of the State Hermitage)]. *Trudy Otdela Vostoka Gos. Ermitazha* 3. 27–48.
- Дьяконов И. М. 1940: К возникновению письма в Двуречье: (Две архаические таблетки Гос. Эрмитажа). *Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа* 3. 27–48.
- Diakonoff, I. M. 1967: *Yazyki drevnej Perednej Azii* [Languages of ancient Near East]. Moscow: Nauka.
- Дьяконов И. М. 1967: *Языки древней Передней Азии*. М.
- Englund, R. K. 1998: Texts from the Late Uruk Period. In: Bauer J., Englund R. K., Krebernik M. *Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit*. Annäherungen 1. Hrsg. von P. Attinger, M. Watler. Freiburg (Schweiz); Göttingen, 15–233. (OBO160/1)
- Englund, Damerow web: Late Uruk Period. Full List of Proto-Cuneiform Signs. URL: <https://cdli.ucla.edu/tools/SignLists/protocuneiform/archsigns.html> (дата обращения: 01.04.2022)
- Falkenstein, A. 1936: *Archaische Texte aus Uruk*. Berlin.
- Gelb, I. J. 1975: Methods of Decipherment. *Journal of the Royal Asiatic Society* 2, 95–104.
- Koslova, N. V. 2008: [The emergence and development of writing in Mesopotamia IV–III millennium BC]. In: Kuzischshin V. I., Dandamaev M. A., Kozyreva N. V. (eds). *Istoriografiya istorii Drevnego Vostoka* [Historiography of the history of the ancient East]. Т. 1. Moscow: Vysshaya shkola, 331–359.
- Козлова Н. В. 2008: Возникновение и развитие письменности в Месопотамии IV–III тыс. до н. э. В сб.: *Историография истории Древнего Востока*. Т. 1. М., 331–359.
- Kornilov, L., Chernikov, N. 1965: [The Soviet scholar read the ancient Sumerian writings]. *Sovetski Sojuz* 2, 44–45.
- Корнилов Л., Черников Н. 1965: Советский ученый прочел древнешумерские письма. *Советский Союз* 2, 44–45.
- Kurtik, G. E. 2002: [Early history of the Mesopotamian constellations (on the problem of the origin of the constellations)]. *Peterburgskoe vostokovedenie* 10. SPb. 186–229.

- Куртик Г. Е. 2002: Ранняя история месопотамских созвездий (к проблеме происхождения созвездий). *Петербургское востоковедение* 10, 186–229.
- Lerner, P. M. 2011: *Vaiman Ajzik Abramovich*. Israel.
Лернер П. М. 2011: *Вайман Айзик Абрамович*. Израиль: [б. и.].
- Miliband, S. D. 1977: [Biobibliographic Dictionary of Soviet Orientalists]. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury.
Милицанд С. Д. 1977: *Биобиблиографический словарь советских востоковедов*. М.
- Nikitin, A. 1964: [Ancient Writings Were Deciphered]. *Yunost'* 3, 100–101.
Никитин А. Прочитаны древнейшие письмены. *Юность* 3, 100–101.
- Oppenheim, A. L. 1980: *Drevnyaya Mesopotamiya. Portret pogibshej civilizacii* [Ancient Mesopotamia. Portrait of a lost civilization]. Moscow: Nauka.
Оппенгейм А. Лео. *Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации*. М.: Наука.
- Powell, M. A. 1972: The Origin of the Sexagesimal System: The Interaction of Language and Writing. *Visible Language* 6, 5–18.
- Schretter, M. 1993: Sumerische Phonologie: zu Konsonantenverbindungen und Silbenstruktur. *Acta Orientalia* 54, 7–30.
- Vaiman, A. A. 1955: [Cuneiform mathematical tablet from the collection of the Hermitage N 15189]. *Epigrafika Vostoka* 10, 73–83.
Вайман А. А. 1955: Эрмитажная клинописная математическая табличка № 15189. *Эпиграфика Востока* 10, 73–83.
- Vaiman, A. A. 1960: [Cuneiform mathematical tablet from the collection of the Hermitage N 15066]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* 19, 27–28.
Вайман А. А. 1960: Клинописная хозяйственная табличка Гос. Эрмитажа № 15066. *Сообщения Государственного Эрмитажа* 19, 27–28.
- Vaiman, A. A. 1961a: [Two cuneiform documents on the construction of an irrigation canal]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* 5, 24–30.
Вайман А. А. 1961а: Два клинописных документа о проведении оросительного канала. *Труды Государственного Эрмитажа* 5, 24–30.
- Vaiman, A. A. 1961b: [Sumero-Babylonian mathematics III–I millennium BC.]. Moscow: Nauka.
Вайман А. А. 1961б: *Шумеро-вавилонская математика III–I тысячелетия до н. э.* М.: Наука.
- Vaiman, A. A. 1966: [On the decoding of proto-Sumerian writing (preliminary thesis)]. *Peredneaziatskij sbornik: II. Deshifrovka i interpretaciya pis'mennosti Drevnego Vostoka*. [Near Eastern collection: II. Decoding and interpretation of the writing of the Ancient East] Moscow: Nauka, 3–15.

- Вайман А. А. К расшифровке протошумерской письменности (предварительное сообщение). *Переднеазиатский сборник: II. Дешифровка и интерпретация письменности Древнего Востока*. М.: Наука, 3–15.
- Vaiman, A. A. 1972a: [The Formal Characteristics of Proto-Sumerian Texts]. *Vestnik drevnej istorii* 1, 124–131.
- Вайман А. А. 1972а: Формальные особенности протошумерских текстов. *Вестник древней истории* 1, 124–131.
- Vaiman, A. A. 1972b: [On the connection of Proto-Elamite writing with Proto-Sumerian]. *Vestnik drevnej istorii* 3, 124–133.
- Вайман А. А. 1972b: О связи протоэламской письменности с протошумерской. *Вестник древней истории* 3, 124–133.
- Vaiman, A. A. 1974a: [The designation of male and female slaves in proto-Sumerian writing]. *Vestnik drevnej istorii* 2. 138–148.
- Вайман А. А. Обозначение рабов и рабынь в протошумерской письменности. *Вестник древней истории* 2, 138–148.
- Vaiman, A. A. 1974b: Über die protosumerische Schrift. *Acta Antiqua* 22, 15–27.
- Vaiman A. A. 1976a: [Studies in the Sumero-Babylonian metrological system]. *Drevnij Vostok* 2. Erevan, 37–66.
- Вайман А. А. 1976а: Исследования по шумеро-вавилонской метрологии. *Древний Восток*, вып. 2. Ереван, 37–66.
- Vaiman, A. A. 1976: [On Proto-Sumerian writing]. In: Diakonoff I. M. (ed.). *Tajny drevnih pis'men*. М.: Nauka, 578–585.
- Вайман А. А. 1976: О протошумерской письменности. *Тайны древних письмен*. М.: Наука, 578–585.
- Vaiman A. A. 1977: [The decoding of each individual sign requires the invention of a new technique]. *Nauka i zhizn'* 11, 109.
- Вайман А. А. «Расшифровка каждого отдельного знака нуждается в изобретении нового приема». *Наука и жизнь* 11, 109.
- Vaiman, A. A. 1994a: [Messages of the Urartian kings about the losses of the enemy and the Urartian «God of the Dead»]. *Ermitazhnye chteniya pamyati B. B. Piotrovskogo. Tezisy dokladov* [Hermitage readings in memory of B. B. Piotrovsky. Abstracts of reports]. SPb.: Ermitazh., 15–16.
- Вайман А. А. 1994а: Сообщения урартских царей о потерях врага и урартский «Бог мертвых». *Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. Тезисы докладов*. СПб., 15–16.
- Vaiman, A. A. 1994b: [On the Quasi-Sumerian Tablets of Tartaria]. *Arheologicheskie Vesti* 3, 181–188.
- Вайман А. А. 1994b: О квазишумерских табличках Тэртэрии. *Археологические Вести* 3, 181–188.
- Vaiman, A. A. 1995: [How the religion of Urartu was created]. *Ermitazhnye chteniya pamyati B. B. Piotrovskogo. Tezisy dokladov*. SPb.: Ermitazh, 9–10.

- Вайман А. А. Как была создана религия Урарту. *Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. Тез. докладов*. СПб., 9–10.
- Vaiman, A. A. 1998: [The oldest written and pictorial evidence of astronomical knowledge in Sumer and Elam]. *Ermitazhnye chteniya pamyati B. B. Piotrovskogo. Tezisy докладov*. SPb.: Ermitazh, 13–17.
- Вайман А. А. 1998: Древнейшие письменные и изобразительные свидетельства об астрономических знаниях в Шумере и Эламе. *Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. Тезисы докладов*. СПб., 13–17.
- Vaiman, A. A. 2000: [Deciphering the proto-Elamite (Aryan) script: the logogram «the king himself» (Sanskrit *sva-rāj*)]. In: Adaksina S. B., Dandamaeva M. M., Zuyev V. Yu. (eds.). *Otdelu Vostoka 80 let. Tezisy докладov yubilejnoj nauchnoj konferencii [Department of the East is 80 years old. Abstracts of the reports of the anniversary scientific conference]*. SPb: Izd-vo Gos. Ermitazha, 3–5.
- Вайман А. А. 2000: Дешифровка протоэламской (арийской) письменности: логограмма «сам царь» (санскритское *sva-rāj*). *Отделу Востока 80 лет. Тезисы докладов юбилейной научной конференции*. СПб., 3–5.
- Vaiman A. A. 2002: [About the cult of twins in the Proto-Elamite texts of the 3rd millennium BC] *Ermitazhnye chteniya pamyati B. B. Piotrovskogo. Tezisy докладov*. SPb.: Ermitazh, 24–27.
- Вайман А. А. 2002: О культе близнецов в протоэламских текстах III тыс. до н. э. *Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. Тезисы докладов*. СПб., 24–27.